

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

7
(708)

ЕВГЕНИЙ МАТВЕЕВ

НАБИТАЯ РУКА

**Дружеский шарж
А. КРЫЛОВА**

Родился в Электростали в 1936 году. Там же после окончания Московского энергетического института работал инженером. Там же и печататься начал в городской газете «Ленинское знамя».

С 1962 года — специальный корреспондент Крокодила.

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА № 7

ЕВГЕНИЙ МАТВЕЕВ

НАБИТАЯ РУКА

Рассказы и фельетоны

Рисунки Г. ОГОРОДНИКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА 1974

ВРЕМЯ ДОРОГО

Николай Зеленов такой человек, что за словом в карман не полезет. Тем более — в чужой. И тем более — за непечатным словом.

Он был странноват. Он любил на транспорте час «пик». Да еще имел в придачу подругу Веру, пять судимостей, кепку-блин и неинтересный образ мыслей.

А вот прописки у него не было, потому что и паспорта у него не было — последнее место отсидки он покинул, не спросясь и не до-трудовоспитавшись.

Поселился непоседа в большом городе и стал, значит, любить на транспорте час «пик». На автотранспорте. Ему понравилось, что в автобусе люди влопыхах наносят друг другу ущерб — кому моральный, а кому и вовсе материальный. Не деликатничают. И пока они так себя ведут, можно полюбопытствовать, что у них в карманах.

Слюбопытничал разок — семьдесят рублей. Удовлетворительно. «А Верка при мне вроде инкассатора будет!» — весело решил Зеленов и следующий раздобытый кошелек сунул прямо в карман покладистой подруге.

Легкомысленный человек! Отбывая то и дело свои сроки в местах, где не водятся троллейбусы и автобусы, Зеленов несколько оторвался от жизни. И теперь он не учел, что в час «пик» пассажир расположен ко всяким решительным крайностям.

Вот и получилось, что когда пассажирка Казаковахвати- лась сво- его кошелька, она не только учинила обыск, не только отняла свой кошелек, не только задержала Зеленова с подругою, а и сама привела их потом в милицию. Это, конечно, удивительно, но нельзя же забывать, что в час «пики» удивительное — рядом. А Зеленов за- был, да так, что по дороге в милицию заупотреблял от удивления ошеломляюще приличные слова.

Дело ясное — суд.

Суд. Казакову как потерпевшую вызвали на заседание повесткой, Веру как подругу-свидетельницу — тоже повесткой, обвиняемого так привезли. Встал он и говорит:

— У меня,— говорит,— адвоката нет. Хочу, чтоб был.

Решили: ладно. Торопиться некуда. Заседание перенести на потом, тем более что и подруга-свидетельница все равно не явилась.

Собрались во второй раз, а адвокат возьми да укажи на другой процесс. Решили: ладно. Торопиться вообще-то некуда. Заседание перенести на потом, тем более что и подруга-свидетельница все равно не явилась.

В следующий раз не досчитались уже и обвиняемого — у него в то время аккурат изо всех сил болел палец. Он у него нарывал. Решили: ладно. Торопиться еще, кажется, рановато. Заседание пе- ренести на потом, тем более что подруга-свидетельница все равно не явилась.

Но и четвертым разом пришлось не ограничиться. Потерпевшая Казакова отсутствовала, потому что не получила повестку, свиде- тельница Вера — потому, что решила вообще пропасть без вести.

Решили: ладно-то ладно, а пора и поторопиться, чтоб этот суд в конце концов произошел...

Послали потерпевшей Казаковой новую повестку, а за поиски свидетельницы Веры взялась милиция.

И вот суд получает обратно «корешок» повестки, по которому яс- но видно, что повестка адресату, возможно, вручена, а возможно, и нет еще, так уж этот «корешок» здорово оформили. А насчет сви- детельницы Веры — вообще сообщение: нет ее нигде-пренигде.

Представьте теперь себя на месте судьи Смолеева, который вел дело. Сядьте и подумайте, как ускорить события. Время, чтобы сесть и подумать, еще оставалось. Правда, оно уже иссякало.

Судья Смолеев так и поступил: он сел и подумал. Правда, на скорую руку. А сделав так, он написал в райотдел милиции записку с просьбой обеспечить явку на суд гражданки Казаковой хотя бы.

Курьер взял записку и сбежал в милицию, которая хорошо была под боком.

А Казакова между тем никакой повестки не получала и ни о ка- ких новых сроках суда была, конечно, не в курсе дела, а просто ле- жала себе в постели да болела.

А в милиции между тем и своих дел ох как хватает, чтоб возиться еще с доставками разных потерпевших гражданок. Тем более там и не знали, что она потерпевшая. Гражданка Казакова, да и все тут. Накануне суда сначала было утро. Потом — день. И вечер тоже был. Три неподходящих времени суток для выполнения просьбы судьи Смолеева, потому что в это время милиция совсем занята своими текущими делами.

К ночи они с ними поуправились, глядят — записка: проследить, чтоб назавтра явилась в суд некто Казакова. А куда уж тут следить, когда и не завтра теперь, а самое настоящее сегодня: час, можно сказать, ночи. И он получается вроде как час «пик» в этом деле. Хорошо еще адрес указанной гражданки вполне подходящ: три минуты пешком, а на машине так и совсем — сорок три секунды.

Ну, сели на машину, поехали. Доехали благополучно и два нештатных сотрудника милиции подубасили в дверь Казаковой кулаками. Для, можно сказать, скорости.

— Кто там? — сказали, конечно, за дверью.

— Гражданка Казакова, это вы? — уточнили сотрудники.

— Я ее муж, — ответил голос.

— Тогда вы нам не нужны. Нам нужна ваша жена.

— Да вы кто? — затревожился муж.

— Милиция! — дуэтом крикнули сотрудники. — И пусть ваша Казакова одевается!

— Зачем же? — все больше пугался муж.

— Что же, она вся босиком в КПЗ поедет?

— Куда? Куда?

— На кудыкину гору! В камеру предварительного заключения!

За дверью возник своевременный переполох. Супруги кинулись к телефону звонить в отделение милиции, что к ним в квартиру лезут какие-то бандиты,

— Не, — успокоил их дежурный по отделению. — Это не они. Не бандиты. Это мы. Мы вашу явку обеспечиваем.

К счастью Казаковых, дежурный оказался человеком смекалистым и с быстрой реакцией. К тому же наша милиция, и это уже к счастью всех граждан, очень технически оснащена.

Дежурный связался по радио с шофером посланной машины, дал приказ «отставить», шофер поднялся к сотрудникам, без лишних слов передал им это самое «отставить», так что дверь Казаковых успела выдержать напор дисциплинированных нештатных сотрудников.

Ну, а будучи дисциплинированными, они, конечно, мигом «отставили» и даже пожелали напоследок спокойной ночи.

Какое там спокойной ночи! Пока Казаковы сосали валидол да сочиняли письменную жалобу, уже и утро суда наступило.

И на суде потерпевшая возмущенно рассказывала, как с нею

обошлись, а подсудимый Зеленов долго и искренне смеялся. А потом его в очередной раз увезли в места, где не водятся троллейбусы.

А на письменную жалобу Казаковой заместитель начальника райотдела милиции письменно же и ответил, что «прибывший наряд действовал правомерно».

Мне же признался устно:

— Нехорошо, конечно, получилось. Ночь, понимаете ли... Но мы ведь не знали, что эта Казакова целый день дома лежит...

НАДВОЕ

Одно хозяйство было. Совхоз. «Грачево — Горки» назывался. Через тире. Один паром в том хозяйстве имелся. Через реку. И через всю эту географию развращивались два хозяйственника. Недавно. Вдруг. Вдрызг.

Оба они в этом хозяйстве работали. Один, имея фамилию Букаев, состоял в должности главного зоотехника, а другой с фамилией Мельников в должности директора над ним состоял. И что еще интересно: оба, извиняемся за мужицкое выражение, хозяйственными мужиками слыли.

И вот однажды случилось решение о разукрупнении совхоза «Грачево — Горки» для дальнейшего, само собой, развития животноводства. Раздробить совхоз решили, разделить, размежевать... Надвое, одним словом. Два совхоза сделать, и чтоб одним верховодил Мельников, а другим — Букаев.

Но жизнь, она уж сроду такова, что по-настоящему безболезненно в ней размежевываются одни только амебы. Да и то неизвестно, так ли это.

В общем, так. Уж как, казалось бы, легко можно было поделить название «Грачево — Горки». «Грачево» одному отпочкованному хозяйству отдать, «Горки» — другому, а тире выбросить... Но нет, даже и тут трудности возникли, разнотолки, кривотолки... И в результате одному совхозу целиком досталось прежнее «Грачево — Горки», а другому — всего лишь «Лужайки», «Грачево — Горки» — хозяйству Букаева, всего лишь «Лужайки» — хозяйству Мельникова.

И такой результат по-человечески ущемил самолюбие директора Мельникова, притаившего на нового коллегу естественную обиду.

Таить обиду пришлось недолго. Как человеку более опытному

директору Мельникову поручили подготовить проект раздела угодий, вот он взял да и не дал директору Букаеву заливных лугов.

А директор Букаев взял да и доказал, что и он не без характера. Взял да и подал куда надо жалобу, и луга эти заливные для своей скотины выконфликтовал.

Вот и возникла у них на этой почве взаимная нелюбовь, которая окончательно размежевала их точки зрения на раздел хозяйства. Теперь они судили-рядили каждый строго со своей колокольни.

Пополам делилось очень не все.

Особенно паром.

Имелось, правда, мнение провести вдоль него пограничную черту, протянуть через реку два каната, и пусть каждая противная сторона, стоя на своей, тянет канат каждая к себе.

Однако этого мнения не придерживались. Сложноватый был способ, да еще на слишком грубой физической силе базировавшийся. Того и гляди, кто-нибудь выйдет за рамки чего-нибудь... А это глупо, особенно на воде.

Имелось и другое мнение. Честно распилить паром пополам, канат пополам перерезать — и баста,

Но и этого мнения не придерживались. Хоть и прост был способ, но нерентабелен опять же до глупости. Бесхозяйственный просто.

Сошлись на том, что ответственность поделили. Директор Мельников отныне за паром отвечал, директор Букаев — за причалы к парому. А паромщики посменно на реке дежурят: то ставленник Мельникова, то Букаева.

Попробовали — ничего: безобидно паром поперек реки курсирует...

А потом вдруг врывается однажды букаевский паромщик в свою контору и каламбурит там не своим голосом.

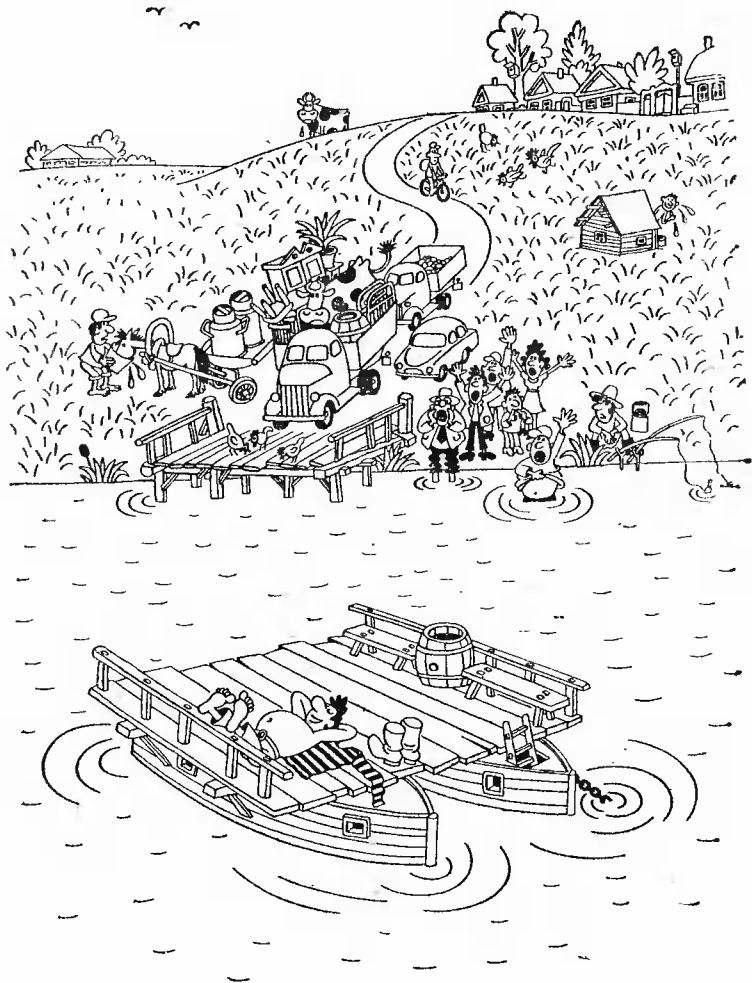
— От реки я отрекся! — кричит попусту. Оттого попусту, что в конторе ввиду только что состоявшегося рассвета никого еще толком и нету, одна уборщица налицо.

Уборщица так уборщица. Он — к ней и ну облегчать душу, ну выразить свой гнев в адрес чужого директора!..

— Ну и ну! — удивляется уборщица.

Конечно. Такую чертовщину услышала: как директор Мельников приказал отныне перевозить на пароме исключительно свои грузовики. А там букаевские за сеном приехали. И букаевский паромщик решительно стал в тупик: пускать грузовики на паром или не пускать? С одной стороны, грузовики своего совхоза, с другой стороны, приказ хозяина парома, которому лично он обязан подчиниться... Стал он это в тупик, и сначала — ничего, а потом раздвоение личности вышло...

Когда же к берегу примчался директор Букаев, паромщик там был уже совсем другой, а картина еще более та же: теперь еще и

доярки недопустимо сидели на берегу, а паромщик вместо того, чтобы перевозить их к стаду, не дул на середине речки в ус. Пел:

Ой да выгоняла я скотину! Ох! Ох!
Выгоняла я скотину во широкую долину
Пасть.

Плохо пел. На чуждом берегу дурно ревела недоеная скотина. — Хорошо ж!—многообещающе откликнулся на это директор Букаев и уехал давать ответное распоряжение. И в ответ букаевцы злорадно не отремонтировали паромные причалы.

После этого интересные события поразворачивались немного и в личном плане, где директор Мельников сумел очень удачно насолить неприятелю. После раздела совхоза дом Букаева оказался на мельниковской территории, и директор Мельников великолепно этим воспользовался. Во-первых, он выдворил вон и навсегда букаевский «газик», который тот имел привычку оставлять возле дома, а во-вторых, запретил продавать семейству Букаева его, мельниковское молоко.

Конечно же, директор Букаев опять в долгу не остался. Но он не унижился до перехода на личности, а достойно показал фигу мельниковским машинам, вздумавшим отремонтироваться в мастерских на его, букаевской территории.

Опять подошла очередь директора Мельникова. Думал он, думал, в какой бы теперь форме подкузьмить со своей стороны, и так затуманился, что противнику наскупило ждать, и он сделал внеочередной шаг. Он вообще открыто пошел на «вы». Наверняка проинструктированный букаевым люд под прикрытием очень крупного рогатого скота вторгся на вражескую территорию, принеся убытки и посеяв там сначала панику, а потом и гроздь ответного гнева.

— Я тебе покажу, где Кузькина мать зимует! — «тыкнул» в последний раз директор Мельников, переходя отныне на иронически-дипломатически-категорическое «вы».

«Примите меры,— колынул он ультиматумом,—исключающие порывы и расхищение овощей вашим скотом и некоторыми несознательными рабочими».

Ультиматум он через парламентаря вручил. После чего неприятели принялись уничтожающе не замечать друг друга, ведя, если что, переговоры через своих парторгов.

Вот-вот взвоют по-настоящему.

Но тут вовремя райком всполошился. Прислал своего представителя с наказом воцарить мир любой ценой.

— Плюньте вы на это дело, товарищи,— не постоял за ценой представитель,—и давайте сядем, Разольем на троих, что надо, и забудем про все.

Но и на троих дележа не получилось. Директор Букаев мириться соглашался только просто так, без расписия чего бы то ни было вместе с директором Мельниковым. Директора Мельникова не отыскали вовсе, а заместитель на такой ответственный шаг не решился.

— Тьфу! — посуровел представитель. — Если опять что не поделим, вся ответственность на вас обоих падет. Одна, но двойная будет!

Это подействовало. Это принапугало. От этого обе стороны единомышленно прекратили активные боевые действия и замкнулись в себя. Даже на переправе — никакой напряженности. Букаевские грузовики, едучи за сеном в отвоеванные когда-то заливные луга, едут теперь от греха подальше — в двадцати километрах еще паром есть и, к счастью, совсем беспризорный: перевозит кого попало направо и налево.

Конечно, эти восемьдесят километров в общем-то для совхозных машин ни к селу, ни к городу, но вполне одолимы. Однако не гонять же таким манером рогатый и пока еще крупный скот.

И на строительстве газораспределительной станции не схватываются в шум. Газ в оба совхоза должен пойти, и оба совхоза должны дать рабочих на строительство. И оба дружно не дают. И от этого тоже получается тишь. И вроде бы даже гладь.

Но только это бабушка надвое сказала.

ХОРОШАЯ БАНЯ

Опять начальника лесоучастка Николая Утарасова вызвали в партком леспромхоза.

— Ну и дров же вы наломали, дорогой товарищ! — сказали ему там так фигурально, что он закурил и задумался.

— Но мы вас выведем на чистую воду! — так же загадочно добибли в парткоме, и это тоже озадачило.

Вообще лесоучасток Утарасова как раз славился тем, что твердо работал по принципу: «Чем дальше в лес, тем меньше дров». А сам Утарасов неумолимо любил дурные напитки.

Однако в партком он удручающе трезвым явился, и от этого фигуральные выражения были для него теперь темным лесом.

Хорошо хоть на прощание какой-то нарек сделали. Сказали:

— Еще раз в рабочее время напьетесь — будет вам хорошая баня!

И над этим намеком Николай Утарасов думал всю дорогу, пока ехал к себе домой. Но все равно в душе была сумятица, а в голове — туман.

Так что на следующее утро он решил прояснить голову, чтоб хорошенько обмозговать парткомовские слова.

Прояснил разок — не обмозговывается.

Добавил для ясности, смотрит — чего-то уже вырисовывается.

Он для полноты картины еще добавил — и так тут все хорошо по полочкам разлеглось, разложилось, что вообще хорошо стало.

И он по-хорошему устремился в поселковую баню.

— Здравствуй, Варя! С приветом к тебе Коля! — весело восприветствовал он гардеробщицу.

— Тпру! — строго сказала гардеробщица. — Сегодня среда!

— А вчера вторник был! — согласился Утарасов. — А я в парткоме был!

— Дамский день сегодня! — напомнила гардеробщица.

— Но я выпивши! — объяснил Утарасов. — Ну прямо весь выпивши... А партком такое решение вынес, что как я только чего-нибудь выпью, так обязан в баню явиться...

И он направился в предбанник.

— Куда?! — ужаснулась гардеробщица. — Да еще с папирсой!

Но он уже вошел в предбанник и запер дверь на крючок.

В предбаннике было пусто, никто не мешал. Тут он совсем распоясался и в самую баню вступил со словами:

— Здравствуйте, товарищи женщины!

И тут такое завывторялось, что он едва на ногах устоял. От смеха: вокруг знакомые все лица в мыле, в испуге, и крик есть.

— Глупые, я же свой! — перекрыл он шум. — Весь, как есть, перед вами!

Но даже такие простые слова не дошли, не долетели до окружающих. И даже наоборот: мимо него пустая шайка просвистела.

— Товарищ Колесникова! — разглядел он. — С легким паром!

Но товарищ Колесникова, как депутат сельского Совета, уже решительно осуществляла руководство событиями. Метнув еще одну шайку, а потом еще три, она, несмотря ни на что, загнала незваного гостя в угол, а оттуда с помощью подоспевших на помощь гардеробщицы и уборщицы его вытолкали в пустовавшую парную и кое-как приперли дверь.

— И-эх, прищуривай, Агашка, на левый глаз! — не потерял он и в парной присутствия духа,

Но одному в парной было скучно, и он вновь сделал удачную вылазку в общий зал, где торопливо домывались его землячки и сослуживцы.

— Опять?! — грозно встрепенулась стоявшая на часах гардеробщица. — Да еще с папирсой!

А депутат Колесникова так швырнула в него очередной шайкой, что он даже поморщился.

— Вот заладила одно и то же! — бросил он в ее адрес справедливый упрек. Действительно, чего стараться, когда весь поселок знает — Утарасов такой человек, что его шайками не закидаешь.

Однако на сей раз сухим из воды он все же не вышел, потому что подкрававшаяся сзади уборщица окатила его с головы до пят ледяной водой, и он чуть было не схлопотал из-за этого воспаление легких.

Сбылись парткомовские слова: и баня товарищу Утарасову была после выпивки, и на чистую воду, можно сказать, вывели...

Да, а грозившее ему после чистой холодной воды воспаление легких товарищ Утарасов удачно предотвратил потом при помощи спирта. Спирт тоже был чистый.

НЕ ТОЮ ДОРОГОЮ

В деревне Стрельцы Савельев раздосадовался.

— Да ну, что вы! — сказали ему там беззаботные стрельчане. — Какие еще у нас бедствия!

— А налетят! — объяснял Савельев. — Какой-нибудь тайфун «Дуся», например. Или, например, объявятся жулики и принесут соответствующие убытки. Вон ведь как у вас склад плохо охраняется!

— Да мы его и вовсе не охраняем, — сказали стрельчане. — Там на двери замок...

— Но ведь на складе мед! — убеждал Савельев. — Совсем ведь плохо стоит!

— Ну и что, что мед! Медведей мы все равно не побаиваемся, да они у нас все равно и не водятся.

Вот тут-то Савельев и раздосадовался и, досадуя, поехал домой в город Батоновичи.

Он не попусту раздосадовался. Инспектором Госстраха он работал и обязан был всячески содействовать страхованию. Но не получалось вот.

И вот теперь, едуци из Стрельцов в Батоновичи, он наконец почувствовал, что государственное страхование — это как бы вовсе и не его призвание. И приобзлился от этого. Сначала на стрельчан, а потом на судьбу свою. Переворотец какой-то в его душе сделался, и мысли неуместные в голове появились. Пагубные.

В общем, мед этот колхозный украсть он решил. Для примеру и чтоб попреследовать заодно и собственную материальную выгоду.

Обдумал вроде бы все. С одной стороны, дело легкое: мед не охраняется. С другой стороны, не совсем легкое: мед увесист, как ни говори.

Тут и вспомнил Савельев об одном своем батоновичском знакомом. По профессии этот знакомый шофер, а по фамилии Пинчук. И что особенно хорошо — человек физически одаренный.

Решил Савельев к его помощи прибегнуть и домой к нему пошел. Для переговоров. На свои ораторские способности он уж теперь не понадеялся и взял с собой бутылку известного читателю напитка.

К напитку Пинчук отнесся с пониманием. Он его внимательно выкушал, после чего искренне разохотился помочь хорошему человеку.

Ну и поехали за медом в Стрельцы.

Ночь теперь была, и сладко спали у себя беззаботные стрельчане. Тишина царила. Однако инспектор решил по профессиональной привычке перестраховаться и машину остановил не у склада, а в отдалении.

Одаренный Пинчук скосырнул замок без труда, как бутылочную пробку.

Мед был тут. Ухватился Пинчук за бидон, но не тут-то было. Пришлось еще и побороться с ним, чтоб на спину взвалить.

Взвалил. Понес. Инспектор Савельев оказывал посильную помощь.

Взгромодили бидон на машину, пошли за вторым. Одолели и второй.

Покурили.

— Ну его на фиг! — взленился вдруг Пинчук. — Чего его таскать, когда прямо к двери подъехать можно.

Это он о тяжелотранспортабельных бидонах выразился,

Савельев докурил, подумал над пинчуковскими выражениями, послушал окружающую тишину, еще подумал.

— Давай! — сказал.

Так что с третьим бидоном возни было гораздо меньше. А больше уж и бидонов не было.

Сели в кабинку, и Савельев еще раз сказал:

— Давай!

И вдруг (отдельные авторы в отдельных случаях правы: жизнь так полна отдельных внезапностей!)...

Итак, и вдруг... Машина вдруг не поехала. Она вдруг забуксовала на дороге.

Напрасно Пинчук проявлял смекалку, пихая под колеса ватник, напрасно инспектор Савельев проявлял неизвестно что, отправляя туда же и новенькое пальто... Машина не двигалась, а только выла, и колеса все глубже зарывались в землю.

Долго она и отвратительно так выла на такой отвратительной дороге, пока на шум не пришел местный житель Ромашин. Он бы,

может, и не пришел бы, да вот бессонницей страдал, а тут, как ни говори, развлечение могло быть.

И было Ромашину развлечение, когда еще людей созывать пришлось. Думали помочь увязшим путникам, но потом кое-как догадались, что тут перед ними хищение народного добра происходит.

— А, это тот, который насчет ветра «Дуся» объяснял! — узнали они Савельева. — Давай наш мед обратно!

Затащили бидоны обратно, замок опять повесили, машину из дороги выковыряли, жуликов милиции сдали и снова спать разошлись.

Вот такая вышла история. Посвящается эта история нашим дорожным строителям.

А КОРОВУ СЪЕЛИ

**«Сидела птичка на лугу,
Подкралась к ней корова,
Ухватила за ногу,
Птичка, будь здорова!»
[Очевидное-невероятное.]**

Гражданка Семина тихо шла проселком и вдруг увидела стадо. Гражданка Рябкина тихо пасла стадо и вдруг увидела Семину.

Вот такое происшествие случилось однажды в пределах одной области.

В результате обе гражданки встретились и тут же разговорились на травке.

Сначала они говорили о том, потом — о сем, потом — о том о сем вместе, и это было увлекательно. Не оторвешься.

И вот, значит, разговор все происходит, происходит, времечко себе идет, и стадо уж поголовно проголодалось вокруг собеседниц и от этого начало незаметно звереть. А корова Рябкиной подошла даже к своей хозяйке и помычала по знакомству.

Хозяйка — ноль внимания. Тогда корова заглянула в сумку, стоявшую на земле. Хозяйка сумки Семина тоже на это ноль внимания. И корова принялась уплетать содержимое сумки.

Семина заметила обжорство не вдруг. Ну, а как заметила, то ударилась в крики и по-вертолетному замахала руками. Ведь как ни говори, а в сумке-то деньги лежали, притом — немалые, притом — казенные и притом — еще всякие накладные и прочие магазинные ведомости. Семина-то сама по себе — продавщица поселка, и эти день-

ги с документами несла для отчета. И вот нате вам: корова слопала все подчистую.

Что за корысть ей была — непонятно. Конечно, из книжек известно, что на свете обитают существа, которым ничего не стоит скушать важный документ. Это агенты иностранных разведок. Но (тоже известно из книжек) эти существа вообще всеядны. А вот чтобы покусилась травоядная скотина... И где она только таких книжек нахвата-лась!

На шум приспешил из поселка маленький, в три человека, коллектив — два Сани с Аркадием, которые только что приголубили на околице достаточно спиртной напиток.

Прибежав, коллектив удивился.

— А много ли денег? — слюбопытствовал.

— Четыреста рублей! — простонала продавщица. — Что теперь будет?!

— Заворот кишок будет, — обнадежил коллектив, а Аркадий добавил от себя:

— Надо, — говорит, — ей два пальца в рот сунуть, я это дело знаю.

И сунул. Два Сани держали корову за рога, а Аркадий сунул.

Ничего не вышло. То ли количество пальцев не соответствовало, то ли еще почему. Однако Семина, видя такое дружеское участие, воспрянула духом.

— Вы уж постарайтесь! — попросила.

— Выпить бы, — неопределенно сказали два Сани.

— Конечно! Конечно! — воскликнула Семина. — За этим не постою!

— Корове выпить! — строго уточнил Аркадий. — Касторки! Полведра! Ну, и нам маленько чего-нибудь другого.

Двинулись на процедуры. Корова — под конвоем двух Сань по бокам и Аркадия в арьергарде для наблюдения за коровыми блинами.

Два Сани с Аркадием к своей процедуре отнеслись с полной ответственностью, а вот с коровой — опять промашка. Не нашлось в окрестностях полуведра касторки, напоили корову полуведром растительного масла, а с нее — как с гуся вода.

Аркадий предложил было сводить корову к знахарке, чтоб та какой ни на есть заговор устроила. Но от заговора Семина решительно отказалась. Во-первых, это несерьезно, во-вторых, от всяких там разговоров-заговоров только ущерб и жди, и, в третьих, время-то идет, корове хоть бы жны, а вот купюрам, наверное, в такой обстановке несладко приходится.

И убили корову. Без лишних слов. Деньги и документы как из разбитой копилки вынули — все налицо. Их подреставрировали. Се-

мина благополучно сдала их куда полагается, с двумя Санями и Аркадием не знаем, что потом случилось, а вот корову съели.

И больше ничего не было.

БУДЕМ ЗНАКОМЫ

Иван Боков, упихавшись, топтал по бульвару. А тут как раз приятель навстречу. Приятель Коля Васильев.

Обрадовался Иван поводу, остановился, распечатал пачку сигарет.

— Чего это ты целый день по скверу то туда, то сюда? — любопытничал Васильев.

— Жена, — вбросался в сигарету Иван. — Лидка. Загоняла. Брат к ней из деревни приезжает. Я, это, по магазинам как бы. Продукты. Покажем, говорит, провинции наше гостеприимство.

— Правильно, — одобрил Васильев. — А там чего?

— Матерятся, — нахмурился Иван, глядя в направлении указующего приятелева пальца.

— Нет, это один матерится, — уточнил Васильев. — И колотит вон того дядьку в кепочке.

— Ого, как он у него чемоданчик подфутболил! — оценил Иван.

Подошел третий прохожий. Незнакомый, но такой дюжий, что с ним сразу захотелось познакомиться.

— Хулиган? — спросил он решительным басом.

— Хулиган! Хулиган! — поддержали приятели.

— А милиции, как всегда, и дела до этого нет! — сказал дюжий уже горьким басом.

Но тут хулиган оставил своего дядьку в песочке, подошел к собеседникам и произнес речь не для печати. Но содержание, да еще втроем, понять было можно. Поняли так: у дядьки он просил займы на «маленькую», потому что ему сейчас для счастья только «маленькой такой, беленькой такой» и не хватает. А дядька — ни буль-буль. Так что кто-то из них троих должен дать ему покурить, а потом уж можно продолжить собеседование.

— Нате, — озадаченно сказали Иван с Васильевым, а дюжий молча достал зажигалку.

Хулиган поколебался, потом взял обе пачки. Из Ивановой закурил, а приятелю в сунул в карман.

— Вот! — крикнул он дядьке с чемоданом. — Видишь! Это, как пить дать, настоящие мужчины! Ну ладно, приступим к следующему вопросу.

Следующий вопрос остался открытым, потому что пока он состоял из вступительных выражений, мимо проходили некто ОН и ОНА.

Некто ОНА подержала хулигана за шиворот, некто ОН привел милиционера, а наша тройца сразу застенчиво заторопилась в разные стороны. Дюжий опаздывал в кино. Иван Боков — известно куда, а Коля Васильев — неизвестно куда. Некогда им, в общем, было записываться в свидетели. Для протокола хватило потерпевшего и этой парочки.

И хулигана повели в милицию.

И правильно. А Иван Боков успел домой с покупками очень вовремя.

— Приехал только что, — сообщила о братце как-то нерадостно Иванова жена. — Сейчас из ванной выйдет, познакомлю,

— Виделись уже, — сказал, выходя из ванной давешний дядька в кепке, но без кепки, а в чалме из бинтов и с припудренными синяками.

— Здравсьте! — вежливо представился Иван Боков. — Иван Боков.

...И СЛОВАМИ

{Холмогорская хроника}

...А начальника почты Василискова можно было виноватить в том, что февральскую революцию в уезде чуть было не протетерили. Ведь и так мужиком эти места населены темноватым, а тут еще начальник почты недобросовестный попался. С неделю валялась у него телеграмма, в которой сообщалось, что царь-батюшка отнекивается от престола.

Поэтому Василискова хотели побить. Но не побили, отвлекшись. О ту пору митинг в Емецке произошел, и Наймарк, инспектор училищ, как раз чепухи нагородил. Он сказал, инспектор Наймарк:

— Граждане земляки! Что мы имеем на сегодняшний день? Мы не имеем государя. Поэтому предлагаю оставить временно хотя бы государев портрет для постепенного отвыкания.

Вот Наймарка и побили за такую-то его умеренность. Не так

чтобы очень рукоприкладствовали, но один раз все-таки стукнули, причем — на сцене и причем — по лицу. А портрет сняли, разорвали и раму сломали. Ну, и друг дружку так и сая при этом попотчевали. В сердцах. Потому как расходились во мнениях, что же после ликвидации портрета надо делать.

И очень долго расходились во мнениях. Так долго, что и власть у земства было некогда отобрать. Так долго, что открытая контра в уезде и сплотиться успела и оружием приобзавелась.

Однако боев не завязывалось. Главным оружием в борьбе за влияние на мужика было слово, печатное и непечатное. Даже когда произошла перестрелка с контрой возле Рато-Наволока, то и тогда слова наделали шуму больше, нежели пули. Слова исходили от баб.

— Ах! — громко и понятно вскричали рато-наволоцкие бабы. — Ах, вы мужчины (правда, они вместо «мужчин» другое слово употребили)! Непутевые, нехорошие, непригожие (прилагательные, правда, тоже из их уст другие вырвались)! Марш по своим деревням, там и стреляйте!

В конце концов контра сложила-таки оружие. Сложила она его после того, как большевики предъявили ей очень убедительный устный ультиматум. Оружие контра сложила в кучку и гневно разошлась по домам.

Словом, война была идеологической, к которой средний мужик сперва относился неизвестно как. Не то что бабы. Мужик присматривался, колебался.

Как бы там ни было, а новая власть постепенно осваивалась и в Емецком уезде, как тогда именовались эти края. Советы возникли, кооперативы...

А на Севере уже шла настоящая война. Иностранные войска взяли Кемь, Онегу, подошли к Архангельску... Вот-вот могли появиться в Емецком уезде.

И опять здесь проворонили события. И, конечно же, опять это устроил Василисков, не передавший кому надо телеграмму о взятии Архангельска Антантой.

И опять его не побили. Некому было. В этот момент как раз второе августа подвернулось. А никакой трезвомыслящий христианин делами в этот день не занимался. А нетрезвый мыслящий — и подавно. Потому что это Ильин день. И сам по себе крепко отмечаемый праздник, и плюс к тому — свадьбы в этот день гремят там и сям. Вот емецкие военкомы в качестве красных свадебных генералов и укатали в таратайке на свадьбу в Заболотье. А бойцы всяк по своим гостям разбрелись. Только дежурный по военкомату остался на посту. Он спал.

И только когда над Емецком закружил прилетевший со стороны Архангельска аэроплан, поднялся среди емчан легкий переполох.

Невиданная это штука была — аэроплан. Тем более в Ильин день. Есть чему подивиться.

И хотя с Двины давно уж слышались тревожные пароходные гудки, на них и внимания не обратили. А там уже высаживался на берег английский десант.

Спасибо, нездешний матрос выручил: прибежал, запыхавшись, в военкомат и пробудил дежурного. Тот пробудился, поздоровался и подивился на бранящегося матроса. Потом проникся важностью момента и послал гонца в Заболотье с плохими вестями.

Власть переменилась. У союзников программа была четкая: 1) расстрел или концлагерь для сочувствовавших Советской власти; 2) мобилизация мужика в белую армию; 3) расстрел или концлагерь для не захотевших мобилизовываться.

Уж если и раньше, когда было можно, тутошний мужик не ахти как решительно и передово реагировал на события, то при такой-то твердой власти ему вроде бы самая пора пришла махнуть рукой на всякие революции да и сказать: «Э, не с нашим это носом кипарисы-то нюхать!»

А он на интервентовы мероприятия как раз наоборот и начал реагировать, не проникнувшись к ним симпатией.

Вот, скажем, Павел Борисович Будрин, рождения 1854 года, крестьянин из деревни Кульмино, образование: умеющий читать, а также писать.

Павел Борисович Будрин ничего такого особенно интересного не сказал, когда пришли союзники. Он и при Советах не так чтобы выражался. Молчаливый был человек, неизвестно кому и зачем сочувствующий.

Союзники обязали его возить провиант и прочий груз тактического и бытового предназначения. Дедко Будрин возил. А на досуге ходил по лесам с топориком.

Ничего никому не говорит, ходит себе с топориком. Но только появились вдруг у его внучат любопытнейшие игрушки — разноцветные резиновые шнуры, из которых можно было мастерить замечательные рогатки, да еще горели эти шнуры восхитительно, да и так, сами по себе, очень привлекательные были штучки. Сначала приятели завидовали дедковым внучатам, однако дедко, видя такую зависть, и приятелей шнуром обеспечил. А потом в лесу была пальба, и дедко прибежал домой в испуге и воскликнул с порога:

— Прячьте детей — это вам не игрушки!

Английский патруль подстерег дедка, когда тот рубил телефонный кабель, но дедко так живо унес ноги, что англичанова стрельба, кроме шума, ничего не наделала.

К детям дедко питал особенное уважение. Однажды, когда в лесу застрял американский грузовик, дедко водил к нему деревенское пацанье, чтобы побеседовать на научно-популярную тему, имея под

руками наглядное пособие. В грузовике же между прочим оказались винтовки.

Рассказал дедко Будрин, как мог, о двигателе внутреннего сгорания, увел подпросветившихся слушателей в деревню, а в лесу опять потом был тарарам, только без стрельбы, потому что не из чего было — пропали винтовки. Через много уж лет обнаружили дедковы домочадцы в избе короткую американскую винтовку и револьвер в овине. И это было совсем уж поразительно — ведь дедко Будрин и ружья-то ни разу в жизни вроде бы не держал.

А потом уж дедко и вовсе в политику ввязался втихаря от домашних. Какой-то незнакомец с ним целый вечер беседовал, беседовал, потом дедко проводил его, да и спроси, вернувшись:

— И гдей-то у нас евангелие?

Нашли ему евангелие, поколдовал он над ним, спрятал.

И начал ходить с евангелием по вечерам к соседу Осташкову. Да и другие мужики туда наострились и домой возвращались поздно и натрезвяк.

Конечно, кого надо, такие посиделки глубоко заинтересовать могли. И, конечно, заинтересовали. Гриша Медведев — молодой человек, работавший у союзников тайным осведомителем, явился к Осташкову в разгар посиделок и обнаружил там благонадежность: чтение населением евангелия.

— Евангелие? — спросил все-таки дотошный Гриша.

— Эге ж! — сказали мужики.

— Люблю я евангелие! — сказал Гриша для конспирации. — Поэтому я посижу тут, а?

— Посиди, — не воспротивились мужики. — Вчерашними щами не погнушаешься?

— Вчерашние щи я тоже люблю, — опять схитрил Гриша.

— Э, — сказали мужики. — Тогда приходи завтра.

Гриша унес в сердце обиду, а евангелие теперь лежит под стеклом в школьном музее — меж его страниц дедко Будрин разместил тогда брошюру Ленина «Очередные задачи Советской власти».

Тут тебе оккупация, а мужик как раз подковываться начал.

Были политпосиделки и в избе Трофима Овчинникова, где читали газету «Беднота». А Васька Будрин с Мишкой да Петькой Овчинниковым для остального крестьянства листовки по деревне развешивали. Это очень удобно было. Петька как раз служил по мобилизации в белой армии, там он эти листовки да газеты и доставал, потому что в белой армии работали энергичные красные агитаторы.

Конечно, шли и бои (в других местах), и партизанские отряды по лесам гуляли. Союзники ультиматумы посылали, с недоумением читали ответные письма красных о том, что ультиматум ультиматумом, но раз уж вы наладили с нами переписку, «мы охотно будем

с вами переписываться и снабжать вас литературой на английском, французском и русском языках. Просим вас также снабжать нас вашей литературой, а также указать условия обмена литературой». И посмотрим, кто кого перепропагандирует.

Союзники добротные концлагеря для пленных устраивали для их физического «перевоспитания», а Ленин об иностранных военнопленных в телеграмме, отправленной на Север, говорил:

«Командарму VI армии Гиттису, Вполне сочувствую Вашему плану «пускать пленных, но только непременно понемногу и исключительно тех, кто действительно хорошо распропагандирован. Телеграфируйте мне немедленно, если надо, то шифром, сколько у вас пленных, какой они национальности и сколько из них распропагандировано».

И вот уже пятьдесят иностранных солдат пишут заявление о принятии их на курсы красных командиров.

Но вернемся в наш тихий Емецкий уезд, где союзники совсем уж было освоились: французы лягушек кушают по-домашнему, американцы в трусиках и ушанках посреди деревни фехтовальным спортом занимаются, чтоб воинский дух в теле поддержать и к климату хорошенько приобщиться...

А в это время нелегкий на подъем мужик, не торопясь, задумывал провести одно такое непривычное покамест мероприятие.

Поприбавилось в уезде красных лазутчиков, а большевистский агитатор Ефим Никитин даже плясал отважно посреди деревни Бросачиха для завоевания доверия крестьянства.

Все шло к тому, к чему и надо было. Зимой двадцатого года мужики и солдаты белой армии восстали в Холмогорах и учредили ревком. Теперь уж Советская власть объявилась в уезде не телеграфно, откуда-то со стороны и с опозданием, а прямо на месте и самостоятельно.

«Освободительная миссия» союзников кончилась. Расплылись они всяк в свое государство, очистив губернию от руды, фанеры, семян, щетины, жеребковых шкур, спичечной соломки, льна, смолы, пакли... От всего, что под руку подвернулось.

Так что, например, надсмотрщику телеграфа Федоту Сердитову, чтобы не краснеть на предстоящей вот-вот свадьбе своей с телеграфисткой Варей Сидоровой, пришлось сочинять письмо:

«Добрый час, дорогой наш вождь тов. Ленин!

Пишу Вам из далекого Севера. Первым долгом прошу Вас простить мне за дерзновение этого письма на Ваше имя.

Я родом зырянин, Северо-Двинской губернии, Устьысольского уезда, села Ношуля. Служу с 1917 г. в почтовом ведомстве по технической части.

Простите, никак не могу приступить к искренней просьбе. Вот, товарищ Ленин, я бы хотел попросить об одном. У меня совершенно

нет брюк, в одних хожу уже третий год и езжу исправлять телеграфные линии. Так что они превратились почти в решето. А обратиться никуда не могу, ибо этим разрушаю план снабжения, да и везде получишь отказ. Так что в силу необходимости я вынужден Вам писать и прошу Вас, не найдете ли мне 1 аршин 10 вершков какой-нибудь двухаршинной материи? Тужурка еще цела. Сапоги только, наверное, тоже изношу, ибо нет мази, хотя я думаю сделать деготь. Хоть один фунт, и то будет хорошо. Только бы времени малость побольше.

Может быть, Вы огорчитесь за это письмо — простите. Сколько стоит, постараюсь заплатить.

Мой адрес: Холмогоры, Архангельской губернии, надсмотрщику телеграфа Федоту Степановичу Сердитову.

Будьте счастливы, наш вождь! Желаю всяких благ Вам и многие лета, а также скорее повесить над всем миром красный флаг Труда!

Июля 14 дня, 1920 года».

Письмо это Федот Сердитов написал от обиды. Давно уж он хлопотал насчет брюк для свадьбы, но холмогорский приказчик с улыбкой спрашивал Федота: «Может, тебе, Федот, английского бостону хочется?»

И оттого еще письмо написано, что уверовал мужик в новую власть и своей ее счел.

Ответ Федот получил за подписью Бонч-Бруевича, который извещал автора о том, что по распоряжению Ленина его письмо отправлено в Архангельский губисполком для удовлетворения просьбы.

И получил Федот 2 аршина 15 вершков материи и аккурат бостон, английский, трофейный.

И была у Федота свадьба и долгая жизнь впереди.

ПОМИДОРНЫЙ РЕЙС

«Я тоже мог бы рассказать тебе о Севере, но только ты об этом лучше песню расспроси», — находчиво замечает поэт.

Слов нет, уместное сочинение. Только больно уж лирическое — никаких тебе информационных отступлений, и это нехорошо. Это даже плохо.

Вот и начнем с информации.

Не впадая в крайности, скажем: от других областей Север отличается тем, что там имеется Заполярье.

Ну, а так там имеется все. Хотя бы «Есть на Севере хороший городок», называющийся Огонек, Мама, Палатка, Пламенный, Верхний Парень, Сиреники и даже пожелуйста вам — Коля Умный тут как тут. Но только это опять лирика.

А вообще Север — это «сырьевая база», поэтому он и должен иметь все. Он и является источником:

а) **Полезных ископаемых.** Однажды, например, на Тенькинской трассе бензовоз, на котором я ехал, вынужден был свернуть с трассы и буксовать в болоте, потому что промприбор намывал золото прямо из дороги.

б) **Археологических находок.** На реке Анной, например, есть остров, чуть ли не целиком состоящий из костей мамонта.

в) **Мужества.** Из письма, например, в редакцию: «Так вот и ходил я по тайге и тундре и ничего, кроме мужества, не испытывал».

Так что, как видите, на Севере есть еще и экзотика.

* * *

Но у нас сугубо прозаический рейс. На грузовом самолете «АН-12» мы везем на Север десять тонн яблок и помидоров.

Летим «по эстафете»: перегоняем самолет до Тикси и спим там двенадцать часов, а за это время наш самолет «уведет» в глубь Якутии другой, выпавшийся экипаж. А пока мы спим, в Тикси прибудет самолет с помидорами, который вылетает из Москвы следом за нами. И уже эти помидоры мы повезем дальше на Чукотку, в Певек.

Самолеты с разным овощем-фруктом пошли на Север так густо, что чуть ли не гуськом.

Все перевозимо самолетом. Летают здесь яйца и костюмы, парфюмерия и сметана, телевизоры и медикаменты, трубы... А однажды целый год путешествовал по всему Северу дизельный двигатель. Завозили его до полусмерти, но хозяина так и не нашли. То ли заказывали его геологи, то ли гидрологи, то ли метеорологи, то ли стоматологи...

Да, стоматологи. Для мамонтов, которые до сих пор здесь, по некоторым сведениям, похаживают, но которых, правда, не обнаружил еще ни один браконьер. Зубы им (мамонтам) сверлить.

Зубы ихние я видел, а вот мамонтов нет еще. Я больше на другом чудовище специализировался, на «черте», который в Якутии на необитаемом Сордонгнохском плато в озерах ютится и которого искали уже три экспедиции из Москвы, Таллина и Дубны.

Я тоже в одной участвовал, но тоже особенной чертовщины, как на грех, не углядел.

Местные якуты вели себя потом явно неправильно. Несерьезно. — Черт? — спрашивали они. — Да. Конечно. Он там есть. В любой воде есть. У нас — черт, у вас — водяной.

...«Материк» уже позади. Дозаправившись топливом в Воркуте, мы летим над Ямало-Ненецким национальным округом.

Ночь. Солнце лупит в глаза, оба пилота прячутся от него за темными щитками. Из-за шторки внизу, где сидит штурман Ижutow, струится то ли дымок от «Беломора», то ли парок от штурмана, которому в застекленном носу самолета деваться от солнца некуда. Бортпроводник Кубышкин разогревает на плитке аэрофлотовскую курицу.

Гвоздики буровых вышек в тундре сейчас едва заметны сверху. Кое-где они понатыканы так часто, что о них можно расчесывать облака.

А восемь лет назад геологи только еще начинали забуриваться в тундру. Это сейчас они ездят и летают по всему полуострову, а тогда, восемь лет назад, когда мне нужно было попасть на одну из факторий, какой-нибудь воздушной «оказии» и не предвиделось.

А зима была. А в кармане у меня было письмо с этой фактории о том, что у них там пригреблись жулики.

Самолетами ближе чем на триста километров я к ним не подобрался, оставались только олени.

Звезды едва пузырились сквозь дрожащую муть полярного сияния, когда с оленеводом Сянгоби мы выехали из поселка Яр-Сале.

Визжали под нартами сугробы, я хватал куски снега и демонстрировал Сянгоби знание ненецкого языка.

— Сыра, — говорил я о снеге. — Нгэва, — показывал на голову. — Хамолы!.. — сыпал снег себе на капюшон.

Я хотел сказать, что мы вот свалимся на жуликов, как снег на голову.

— Так и будет, — подтверждал Сянгоби. — Действительно.

И действительно. Грянул снег на голову. Налетел буран, захлестал по лицу острой крупой. Сразу стали олени.

Через десять минут нас уже не было на белом свете. Да и белого света тоже, кажется, не было. Съехившись покомпактней, мы лежали под снегом, как куропадки, — «куропашкин чум», как говорят ненцы.

Несколько часов мы так покуропатились, а потом, когда буран немного присмирел, Сянгоби выбарахтался на поверхность, нащупал меня хореом и спросил:

— А тебе долго надо?

— Километр, — ооченело сказал я, так что Сянгоби сразу понял: пора псворачивать обратно.

Оказывается, из моих лихих речей по-ненецки он усвоил глав-

ное: мне для литературных впечатлений позарез требуется буран, чтоб полежать в «куропашкином чуме».

Пришлось поручать жуликов заботам майора милиции Смеховича.

Теперь не то. Теперь только на попутных самолетах и вертолетах можно за месяц облетать чуть ли не весь полуостров. И не только с нефтеразведчиками, которые здесь главные заказчики. А в августе это можно сделать с районо, собирающим детей по тундре с каникул в школы-интернаты.

* * *

..Командир вертолета — Хасаншин, второй пилот — Кузнецов, бортштурман — Вануйто. Вануйто — внештатный бортштурман, он инструктор райкома. Но сейчас без него пилотам трудновато, потому что Вануйто отмечает на карте передвижения оленьих стад, при которых имеются школьники.

Летим к стаду Мэйдася Неркагы, а потом полетим дальше, по Томбойтонской тундре.

Впереди на желтом ягеле бурое пятно. Стадо.

Садимся. Шестеро оленеводов, скрестив под малицей руки на груди, выжидательно разглядывают машину, а дождавшись посадки, выпрастывают правую руку из рукава и подходят здороваться.

Разговор короткий и по делу.

Вануйто. Ну, давай собирай своих.

Неркагы. Зачем собирать — вон они. (Из чума один за другим выходят четверо несовершеннолетних Неркагы с чемоданчиками.)

Вануйто. (доставая небольшую карту). Куда нам тут еще лететь за детьми?

Неркагы. Зачем лететь — вон остальные. (Из других чумов тоже подходят школьники, предусмотрительно собранные в одно место Мэйдасем.)

Вануйто. Ну, молодец! А вообще, как дела? Как поголовье? Волки много молодняка утащили?

Неркагы. Зачем утащили — я сам волка утащил. Вон у меня в чуме сидит.

Вануйто. Опять молодец!

Дальше я не дослушал и вместе с пилотами побежал взглянуть на волка. Тот сидел на короткой цепи и грыз кость, не обращая ни на кого внимания.

Когда мы вернулись к машине, школьники, прокричав на прощание «Лакомбой! Лакомбой!», полезли в вертолет, а Вануйто поспешно закружил профессиональный разговор с юным зоотехником Петей Кожуховым.

...Проплыла вниз широкая Обская губа, и теперь мы идем уже над Таймыром, над Долгано-Ненецким национальным округом, к Норильску. Прямо над жирной «ниткой» газопровода идем.

О самом Норильске писать, наверное, и не стоит. Уж столько восторженных аханий раздавалось в его адрес и по радио, и по телевидению, и в печати... Я сам ахал.

Поэтому можно просто мимоходом ошеломить читателя сообщением, что Норильск выпускает полиметаллов столько, что другим городам и не снилось.

И неизвестно еще, насколько этот выпуск возрастет, потому что геологи активничают на полуострове вовсю.

С валунно-поисковой партией Сивака мне довелось поколесить на вездеходе, вертолете и так, пешочком вдоль горных ручьев и речушек в районе реки Рыбной.

Рыба там действительно была. И даже много. Кроме нее, в руслах были валуны с инородными вкраплениями, которые надо было изучать, и медведи, из-за которых надо было досадовать. Нечистыми на лапу они оказались. Сначала ограничивались воровством консервов, а потом разнюхали, где у нас зарыт запас сливочного масла, выкопали ящик, половину масла слопали, а остаток зарыли обратно и даже землю разровняли в меру способностей.

Геологи раздосадовались, но как-то лениво, за исключением Сани Бархатова, который возбужденно забегал с ружьем. Во-первых, сталкиваться с медведями Сане приходится не часто — он кабинетный работник, он геолог группы подсчета запасов. А во-вторых, он долганин, и в нем во весь голос заговорил потомственный охотник. Поэтому Саня кричал и ругался, убеждая остальных устроить облаву на медведей.

...После Таймыра совсем разъяснело, и в Тикси мы сели совсем при безоблачности и в жару. Здесь у нас двенадцатичасовой отдых.

И здесь уже Якутия со своими золотыми, алмазными и оловянными приисками.

Вот пока мы будем спать, наши помидоры-яблоки как раз и уходят к золотодобытчикам.

Конечно, основные пути здесь воздушные, особенно летом, пока не затвердели автомобильные «зимники» на замерзших болотах.

Летом же можно еще и по рекам, потому что летних твердых дорог немного. Но хоть и немного, а среди населения в большом ходу мотоциклы.

Один такой мотоцикл везли однажды студенты якуты, ехавшие домой на каникулы. По Алдану они ехали кто откуда, высаживаясь кто где.

Те, что с мотоциклом, ехали в Дыгдал из Иркутска, где учились в финансово-экономическом институте.

Теплоход «Богатырев», названный так в честь первого капитана якута, каждому поселку неизменно салютовал из динамика «Бригантиной», потому что не только пассажиры, а и команда и даже капитан Виктор Тюрнев были в самом-самом «бригантинном» возрасте. На верхней палубе то и дело вспыхивали танцы.

А возле Дыгдала на корме поднялся гвалт. Пассажиров к берегу здесь из-за мели отвозила лодка, и с мотоциклом получилась заминка. Со всего теплохода собрались пассажиры, изо всех сил желающие помочь студентам.

Уперевшись друг в друга головами, как регбисты, пассажиры с руганью таскали мотоцикл по палубе, решая, каким концом опускать его в лодку. А сам хозяин мотоцикла студент Миша между тем преспокойно убеждал меня в сторонке, что «Спартак» лучше «Торпедо».

Пока он это делал, некто могучий завладел мотоциклом и, чуть не задушив его в объятиях, погрузил в лодку. Та отплыла, а Миша все проявлял свою спартаковскую навязчивость.

— Миша! Миша! — звали с берега студенты. Там уже вовсю тархтел мотоцикл, а мальчишки скакали на одной ноге и кричали Мише:

— Кылыы! Кылыы!

Кылыы — это одиннадцать прыжков с места на одной ноге.

Тут Миша наконец отпустил теплоход, сел в лодку, и теплоход, облегченно взмычав, попятился к фарватеру.

Потом Миша долго махал рукой с берега, а затем закатал брюки и, опять наплевав на мотоцикл, поскакал по песку с мальчишками.

Только отехали от Дыгдала, опять происшествие. Навстречу шел теплоход «Курашов», и по какой-то там надобности обоим судам надо было на минутку пришвартоваться друг к другу прямо посреди реки.

Пришвартовались. Сделали дело, надо было расходиться. Теплоходы подудели сиренами, «Богатырев» включил «Бригантину»... И ни в какую. Пассажиры облепили борта обоих судов и, крепко взявшись за руки, не отпускали теплоходы. Смеялись.

А потом были Джебарики со своим угольным пластом. Высоченный речной берег, на нем шахтерский поселок, под поселком — пласт. Вход в шахту — прямо с берега, тут же и баржи под уголь. И никаких тебе подъемников — пласт горизонтальный.

А внутри по лавам и забоям хоть на грузовике катайся. Во-первых, толщина пласта четыре метра, во-вторых, почти никакого крепежа из-за вечной мерзлоты, в-третьих, пласт взрывают целыми залами. И к тому же грузовик не забуксует, потому что в шахте всегда сухо — только и бывает, что минус четыре.

— И если вы будете об этом писать, — предупреждали меня шахтеры, — то обязательно скажите, что вакансий у нас нету. А то ведь от зависти столько народу может понаехать!

...Якутия со своими недонайденными богатствами — такая просторная республика, что здесь еще и картографам работа находится. И даже в таком вроде бы известном месте, как полюс холода северного полушария — Оймякон.

Ситуация: вертолет с вершины на вершину переносит в горах бригады геодезистов, которые определяют точнейшие координаты вершин и ставят на них геодезические знаки. И командир вертолета — один из лучших пилотов Якутии Анатолий Носсаль, только что награжденный орденом «Знак Почета».

Заманчивая ситуация для кинооператора хотя бы. Вот мы вместе с кинооператором Центрального телевидения Фрумсоном и угодили в горы в составе бригады Бориса Лунгола.

Очень впечатляющий фильм потом получился: все рассветы, рассветы, все закаты, закаты, все горы, горы, все трудовые будни, трудовые будни и плюс крупным планом пилот Носсаль в тубетеечке, и плюс еще кинооператор Фрумсон с бородой и кинокамерой.

Плюс небольшой, но очень объяснимый. Пилот Носсаль сам оказался неудержимым кинолюбителем, и они с Фрумсоном то и дело, разойдясь по-дуэльному на заранее обговоренное число шагов, начинали яростно жужжать друг на друга своими кинокамерами. При этом они иногда из интереса обменивались «оружием».

* * *

— Утро вечера мудренее, — сказал командир экипажа Зотов, ложась спать. Это он потому сказал, что, когда мы прилетели в Тикси, дальнейший наш путь был закрыт из-за плохой погоды в Певеке.

Туманно-таки сказал Зотов. По какому времени считал он свое мудреное «утро — вечер»? По-московскому сейчас пять часов. А чего — утра или вечера? И здесь, в Тикси, что? Полночь? Полдень? На небо вылезли тучи, и по солнцу не определишься.

По поселку мыкаются парочки, шумно гуляет по водопроводным коробам банда менестрелей с гитарами. Ага, значит, только что закончился вечер художественной самодеятельности. А раз «вечер», значит, вечер, в смысле полночь... А который же час в Певеке?..

Ладно, бог с ним. Главное, что погода в Певеке наладилась, и мы вылетаем.

Наши помидоры-яблоки уже улетели. Теперь у нас новый самолет с одними помидорами.

Вылетели из Тикси.

Прилетели в Певек. Выгрузили помидоры, а обратно «на материку» лететь пока не с чем. Должны были загрузиться концентратом олова, но столько налетело самолетов, что весь концентрат увезли. Придется грузить его в Магадане.

Но в Певеке пришлось еще посидеть в ожидании заправки топливом.

В первую очередь заправляют пассажирские самолеты, а их теперь, турбинных, развелось на Чукотке столько, что вот, пожалуй-ста, ждать приходится. Потом топливозаправщик опять промчался мимо: нужно было заправлять вертолет МИ-8 уже без всякой очереди — летел в тундру «по санзаданию». К нашему тихо стоявшему самолету даже песец прибежал из любопытства.

Ну, а потом полет в Магадан, загрузка концентратом — и путь на Москву Транссибирской авиалинией.

А в Европу, кстати, мы вовсе и не сырье привезли. Сырье на один из сибирских заводов «забросили», а в Европу из Сибири захватили электронную аппаратуру.

Бот вам и «сырьевая база».

РАССКАЗЫ

ЗАГВОЗДКА

Ну как же это все-таки так: были две гири, и вдруг одной нету? Никак не найти, как говорится. Одна вот она тут, а другой, вот как есть, нету, и радости мне от этого, конечно, мало. В общем, и радости тоже нету...

А я чудак, как тут ни выражайся. И дурак, что гири эти купил себе на новоселье. Даже лозунг придумал слгупу: «Радость — через силу!» Что я хуже других, дескать. Ну, и приобрел две штуки. Каждая достоинством в два пуда, а каждый пуд — это шестнадцать килограммов, как говорится...

Н-да... Прямо судьба их, что ли, разбросала?..

Ага, вот что. Украли ее у меня. И непременно те самые пионеры умыкнули, которые по вопросу макулатуры наведывались. Видят, у человека гиря плохо лежит, ну и фьют ее в качестве металлолома.

— Так,— говорю я тогда (про себя).— А вот как посещу сейчас эту школу!.. Пусть-ка преподавательский состав узнает, что я за человек. Пусть убедится, что пальца в рот мне лучше не клади! Не надо, как говорится.

Надеваю я при этих моих словах пальто, лезу в карман за ключами... Хвать, а там аккурат и гиря... Лежит, понимаете ли, в кармане, неизвестно как туда угодившая. И главное — лежит, тварь этакая, не извлекается!..

Тогда я сел и говорю (опять про себя):

— Дудки-с! Знаем мы, однако, ваши печки-лавочки и, где раки зимуют, тоже знаем!

Я так сказал оттого, что догадался, в чем причина такого странного на первый взгляд положения вещей.

Потому что ничего странного. Я ведь с гирями-то по ходу дела в ателье заглядывал. У меня там срок выполнения заказа истек, вот я и хотел убедиться, что пальто мое еще не сшито.

Ан, как говорится, несут. И такое оно ладно скроенное, что даже неудобно мне стало.

— Ладно,— говорю я там (про себя).— Что-то здесь неладно. Не так. Небось очки мне втереть хотят. Чтобы у меня возникла мысль, будто пошивочникам теперь любые задачи по плечу.

Но у меня другая мысль зародилась. Глянул я на квитанции, а на моей — один номер, на пальто же — настолько другой, что я тут же и сказал вслух:

— То-то,— говорю,— гуси-лебеди! Посмотрим, как вы мне мой заказ принесете.

Однако смотрю — и с моим номером тащат. Юридически это уже мое пальто. Примерил — фактически тоже мое. Вот я им и говорю:

— Вы меня, друзья, не обжегивайте! Почему на том пальто такие пуговицы, а к моему иные присобачены?

А они нахально:

— Вы хотите сказать, почему одну пуговицу мы сразу к двум пальто не пришиваем?

— Я хочу сказать,— отбрил я их ответственно,— что мне нужна ваша жалобная книга!

Сразу, конечно, убежали менять пуговицы. Но я все равно сел там за столик и хорошенько попесочил их в самой что ни на есть письменной форме.

Так они, негодники, что устроили! Пока я их, это самое, песочил, они одну мою гирю в один мой карман и учредили в отместку. Да так вштопали, что я впопыхах и не заметил.

Да так вштопали, что и не выковыривается теперь. Никак то есть.

А главное что? Главное, что они вроде как бы и жалобу мою опровергли. Пристроить в карман двухпудовик, да так, чтоб клиент не заметил,— это вам не фунт изюма. Радуются, поди, теперь.

А, ей-богу, напрасно! Если ткань из-за этой гири теперь порвется, всему ателье придет теперь настоящий каюк. Хана им, сердешным, потому что не отвертятся.

Тут я взял и тихонечко так подпрыгнул, сами понимаете зачем. Для лучшей, конечно, расползаемости материала.

По идее он бы и так должен был наглядно треснуть. Без подпрыгивания, как говорится. И даже без гири, если уж на то пошло, потому что сами знаете, какие ткани у нас бывают.

Да. А пальто хоть бы хны.

Ладно. Я ведь и повыше могу подпрыгнуть.

Я и прыгнул повыше. Все равно ни бум-бум. Даже в швах ничего примечательного.

Ну, тогда я так сиганул, что с нижнего этажа по батарее забарабанили. Шумлю я, даскать. Я! А звукопроводимость здания тут будто бы уже и ни при чем!..

Но материал все равно остался в целости, а я пока при своих интересах.

Интересный компот, думаю. Что же мне, теперь для торжества справедливости из окна брякаться?

Расстроился я, повесил пальто на гвоздик и стал ходить по комнате, ища разгадку всей цепи явлений. Закурил.

Хожу, курю, думаю, пальто на гвоздике висит.

И гвоздик еще, подлец такой, торчит так прямо, что можно подумать, будто промышленность уже несгибаемые гвозди наострилась изготавливать.

И стенка еще эта, ну, в которую я гвоздик вчера вбивал, тоже такая неповрежденная, что можно подумать, будто у нас уже и стенки теперь со знаком качества воздвигают.

Ну, мне-то, конечно, ясно, что ни то ни то — не то. А что? В чем же, раз уж на то пошло, гвоздь вопроса?

И тут меня прямо-таки ужалила мысль: гири!!! В них все дело! Никакие они не двухпудовики, вот что. Хоть и тиснуто на них «32 кг», а на поверку — очковитительство. Дутые цифры для отчета.

— Чудесно! — говорю я тут же (про себя). — Вот как возьму да предъявлю их для контрольного взвешивания в Палату мер и весов!.. Такие меры примут, такой тарарам заварится!..

Заварится, заварится...

Да только и там, глядишь, не те люди сидят. Бюрократы сидят и жулики и не пойдут навстречу сигнализирующему о вопиющих недостатках человеку.

А то еще и обвешают, как говорится.

СПЛЕЧА

У кого как, а у меня сосед имеется. Сидоров, можно сказать. У нас балконы рядом, но только его балкон так увит плющом, что и сам Сидоров сквозь него едва просвечивает.

Ну, а я — вот он. Мне прятаться от света ни к чему, тем более

что я на своем балконе, граждане, петуха содержу. Я его за ногу привязал, и дневной свет ему на пользу.

И так-то вот раз открываю я дверь на балкон, чтоб пшена петуху посыпать, как вдруг, откуда ни возьмись, какая-то кирпичина — порх на балкон, хрясь моего петуха по кумполу! Он аж и пикнуть не успел, без этого кувырнулся.

Но я успел углядеть, с какой стороны та кирпичина взялась: аккуратно с соседнего балкона. Но только и не кирпичиной она оказалась, а наоборот — книгою, слишком тяжелой для петуха книгою.

Занегодовал я от недоумения, надел штаны — и к соседу, к Сидорову.

А он уж и сам на пороге и говорит:

— Здравствуйте.

— А вот привет! — отвечаю.

— Кажется, — говорит, — к вам моя книжка попала на балкон. По ошибке.

— По башке! — поправляю я его. — А не по ошибке.

— Извините, — притворяется он, — не понял.

Ну, тогда я веду его на балкон и говорю:

— Глядите!

И тогда он делает вид, что обрадовался. Хватает свою метательную книгу и мне под нос сует.

— Вот! — говорит. — Правильно! — говорит. — Вот они повести Иванова-Гонобобеля!

Отнял я у него книгу, и хорошо еще Петька мой при этом очухался, а то бы...

— Вы, — спрашиваю, — зачем на птицу покусились?!

— Прошу прощения, — юлит Сидоров, — но это вышло совершенно ненароком. Я ее перелистывал, понимаете ли...

— Не буду понимать! — говорю. — И так давно вижу, как вы меня со своего балкона недолюбливаете. И других тоже. Вон даже растениями от всех укрылись.

— Ошибаетесь, — перечит Сидоров. — Я потому декоративную зелень вырастил, что привык работать на балконе, на свежем воздухе.

— Интереснось знать, — спрашиваю, — что же это за работа за такая?

— Я критик. А у вас, извините, постоянно хлопает крыльями петух и, кукарекая, отвлекает меня от работы. Ну скажите, зачем вам петух!

— Ага! — говорю. — Значит, сознаетесь, что специально хотели его уконтропугить?! Вот... Вот видите, как он сейчас кукарекнул. Разве по-петушину? «Реку-ку» какое-то!

— Отдайте книгу! — заявляет он. — Мне нужно идти работать!

— Ишь ты! — говорю, — А если мой петух от Иванова вашего Гонобобеля идиотом стал?

— Боже мой! — Это он. — Вы что, серьезно?

А я ему.

— Богу, — объясняю, — богово, а Сидорову — сидорово! Вот! И всерьез показываю ему свой кукиш, Фигу, можно сказать.

И тут он, граждане, так раскудахтался, руками, как пропеллерами, замахал...

— Глупо! — кричит глупо. — Не трогайте меня! — кричит. — Я вам не писатель, — кричит, — а вы мне не редактор!

— Так-то оно так, — отвечаю. — Ни вы, ни я — не они, а червонец все равно — с вас.

Чего он дальше нашумел, я рассказывать не буду. Не хочется, и не понял я кое-чего. Понял я только, что он заявит на меня куда надо и тогда я с моим петухом хлебну горя.

После чего бухнул дверью, не дав десятки и сам оставшись без Иванова, можно сказать, Гонобобеля.

Так что я теперь категорически согласен с газетами, в которых так прямо и указывают: «Пороку наши критики рубят сплеча...» Это, граждане, более чем так.

ПОСЛЕ ДОЖДИКА. В ЧЕТВЕРГ

Жил-был человек по фамилии Вьюбкин. Ну, конечно, он не так чтобы очень уж там жил-был: при такой фамилии, сами понимаете, не до житья-бытья.

— Как, как? — обрадованно переспрашивали, знакомясь с ним, те, что поневоспитаннее.

А те, что повоспитаннее, тут же проявляли свою воспитанность. Они говорили, потупившись, деликатно и изысканно просто. Очень, они говорили, приятно.

Вьюбкину давно бы сменить фамилию, да слишком уж он был какой-то гордый. И плюс еще (а может, минус) какой-то стеснительный. Он изо всех сил стеснялся своей гордости, но чтобы искоренить что-нибудь в себе, на это ему никогда не хватало терпения.

В общем, Вьюбкин был человеком сложным. С комплексами. С целым комплексом комплексов. Он даже кофе не пил вместе со

всеми сотрудниками отдела, хотя на кофеварку «скинул» вместе со всеми сотрудниками отдела.

Поначалу он, правда, выпил чашечку, потому что устыдился откальваться от коллектива. Но от черного кофе у него, как всегда, занял желудок, и Вьюбкин сообщил об этом окружающим, которые как раз позатахали тогда в ожидании свежей темы для разговора.

Первым проявил свой интерес к желудочной боли Николай Иванович — самый опытный сотрудник отдела. Он спросил Вьюбкина:

— А тошнота при этом бывает?

Вьюбкин ответил, что бывает. Хотел еще добавить, что у него порой и на душе бывает тошно, но смолчал. «Подумают еще, будто я остро!» — подумал он.

— Я помню, — мечтательно сказал тогда Николай Иванович, — когда-то на спичечных коробках писали: «Отрыжка, тошнота, непостоянные боли под ложечкой подозрительны на рак».

— На Селигере раков прямо в ресторане продают, — прицепился к слову балагур Володя. — Десять копеек штука. Там в Осташкове...

Но его перебил Васнецов, недавно посетивший по служебной надобности Среднюю Азию. Он сказал:

— А вы знаете, скорпион очень похож на рака. У него клешни и...

— Это у него фамильное! — захохотал балагур Володя. — Родился бы с фамилией «Врубашкин» — и вот тебе полны карманы счастья! И он шлепнул Вьюбкина по плечу.

Тут Дементьева с Терентьевой пылко заговорили о мини- и макси-юбках, а Вьюбкин затуманился и ушел к своему кульману. Газету сел читать.

Наверное, ему не следовало обижаться на Володю: не со зла тот говорил и без всяких задних мыслей.

У Володи никогда не водились задние мысли. Душа у него всегда была нараспашку — кто хочет, тот и влезай. Он никогда не увиливал от общественных поручений, не чурался туристских троп, давал взаймы Васнецову и беззаботно напивался на банкетах после защиты диссертаций. За это его, можно сказать, любили Дементьева с Терентьевой, но, будучи закадычными подругами, по-товарищески не хотели портить между собой отношений и любви своей никак не выказывали. А догадываться сам Володя не привык.

Вообще-то Дементьева с Терентьевой и Вьюбкина тоже, можно сказать, любили, но, правда, неизвестно, за что. Может, даже за молчаливость. Володю — за разговорчивость, а Вьюбкина — за молчаливость и немножко за внешние данные...

...Нет, не следовало Вьюбкину обижаться тогда на Володю. Тем более что, когда он сидел за кульманом, ползая взглядом по газет-

ным строчкам, к нему подошел начальник отдела и сказал значительно:

— Товарищ Вьюбкин!

— Да,— отозвался Вьюбкин.

— В рабочее время!..— еще значительно сказал начальник.

— Да! — дерзновенно ответил Вьюбкин, пряча, однако, газету.

Начальник грозно и молча исчез, а Вьюбкин покраснел в одиночку, поглядел в окно, вздохнул, сходил в коридор, покурил, потоптался возле стенгазеты «За проект!» и вернулся к кульману, уселся за проект.

С тех пор и повелось. Стал Вьюбкин как бы чуждаться, сторониться, выпадать из коллектива. Ну, а коллективу-то, если он здоровый, разве не наплевать на вздорного отщепенца? Наплевать. Дементьева с Терентьевой, и те целомудренно охладели к Вьюбкину, торчащему у кульмана.

Вот и в прошлый понедельник. В прошлый понедельник так противно занепогодило, задождило, что в отделе с утра было грустно и всем коллективом хотелось в пампасы. Или в Крым. Плохо только, никто не знал точно, где эти самые пампасы простираются, а Дементьевой с Терентьевой показалось даже, будто разговор специально для них затеян, чтобы разыграть их от скуки. Тогда они категорически заявили: бросьте, дескать, ваши штучки, нас пампасами не проведешь, мы давно и точно знаем, что пампасы — это широкие полосы на брюках у генералов. Коллектив всхохотнул было сначала, но потом опять скис, потом распался, а потом и вовсе разбрелся кто куда.

Кроме погоды, сказывалось и отсутствие Володи-балагура, который сидел в кладовой, резал там кальку для чертежей. Вообще-то начальник отдела хотел послать туда Дементьеву с Терентьевой, но те наотрез отказались: не для того они институт кончали, чтоб кальку резать. Хуже других они, что ли? Не миновать бы деловых препирательств, не выручи всех Володя. Он тоже был не хуже других, но он был покладист и, сказав «Ладно. Я пойду», пресек закипавшую междоусобицу. Однако вот его-то теперь и не хватало...

...Вьюбкин знал о пампасах гораздо больше Дементьевой с Терентьевой. Он знал все, но вместо того, чтобы помочь коллективу в затруднительную минуту, он до самого обеда нехорошо возился с проектом.

А после обеда все прямо ожили оттого, что сквозь тучи протолкалось солнце, и оттого, что появился Володя.

Включили кофеварку. И, пока ждали кофе, Володя вверх присутствующих в жгуче злободневную дискуссию, в которую вязались еще и технологи из соседней лаборатории, зашедшие по какому-то, кажется, делу.

Что интереснее смотреть, футбол или хоккей — вот как недвусмысленно ставился вопрос.

Одни говорили, что хоккей, потому что хоккей эмоциональнее. Другие — что футбол, потому что футбол интеллектуальнее.

— Я помню,— рассказывал Николай Иванович,— когда еще не было стадиона в Лужниках и даже стадион «Динамо» еще не реконструировали и туда ездили не на метро, а на трамвае или же на автобусе, а я так и вообще жил тогда в деревне... Знаете, есть под Москвой такая речка Вертушинка?..

Тогда Дементьева с Терентьевой сказали, что хоть футбол, хоть хоккей — одна чушь, а Васнецов сказал, что интереснее всего покер. Только не тот, который игра в кости, а тот, который в карты.

Но в покер никто не играл.

— А в «храп»? — спросил Васнецов.

А о «храпе» и вовсе не слышали.

— Это тоже в карты,— просветил Васнецов.— Игра с виду простенькая, но эмоций, я вам доложу!.. Если нервами своими не владеешь, лучше и не садись!.. У кого есть карты?

Карт ни у кого с собой не было. Васнецов вздохнул и вынул из кармана свои, новенькую колоду.

«Храпу» Васнецова обучили в северной командировке, где он проиграл столько, что Володя не смог его потом выручить деньгами сам и вынужден был занимать там, как говорится, и сям. Володе давали.

Ну, так вот. Перетасовал Васнецов свою колоду и предложил для примера сыграть в «храп» не на деньги, а на спички.

Заиграли. Увлеченно запроизносили непонятные Вьюбкину термины, но только Вьюбкин все равно никак не показал своего интереса. Он даже, наоборот, открыл окно и высунулся на улицу. На улице пятнисто высыхал асфальт, а прямо под окном стадо голубей ело кашу из грязных корытец.

Вьюбкину почему-то стало жалко голубей. Он достал из стола два бутерброда с котлетами, котлеты сжевал сам, а ломти хлеба стал кидать голубям. Но голуби хлеб не трогали — каша была вкуснее,— зато на хлеб припорхали воробьи и разодрались. То один, то другой пробовал утащить кусок в сторонку, но крупно ломанный хлеб всякий раз оказывался не по силам.

Тогда Вьюбкину стало жалко воробьев, и оставшийся хлеб он кидал уже мелкими кусочками.

— Товарищ Вьюбкин! — сказал вдруг весомый голос.

— Да,— сказал Вьюбкин, оборачиваясь.

Перед ним стоял начальник отдела и осуждал его взглядом.

— В рабочее время!..— подтвердил свой взгляд словами начальника отдела.

— Да,— не заспорил Вьюбкин.— Но только я уже все закончил.

— Да?! — сердито удивился начальник отдела.

— Да,— колебнувшись, подтвердил Вьюбкин.

Начальник унес чертежи и расчеты, и два дня Вьюбкин дожидался нового задания.

В четверг в столовой к нему подсел Володя и радостно сказал:

— Ты, брат, не горюй!

Вьюбкин не понял.

— Не расстраивайся,— пояснил Володя.— Мне однажды тоже прогрессивку забили.

Вьюбкин не понял,

— Только я не помню, почему. Наверное, тоже чего-то переврал в проекте. И выговор — на стенку, кнопочками... А, вот за что: я на работу опоздал — часы на десять минут отстали. Смехота! Неужели житейнее причины и не придумаешь! А у тебя просто опыта маловато, вот ты и нашибался в расчетах.

Вьюбкин понял.

— Тебе вообще не стоило браться за это дело,— продолжал Володя.— Там даже исходных данных маловато для расчетов, за ними еще к заказчику надо ехать.

— Кому ехать, мне? — уточнил Вьюбкин.

— Васнецову,— уточнил и Володя.— И мне. И Дементьевой с Терентьевой.

Володя допил компот, Вьюбкин тоже. Володя вытер губы салфеткой и встал, Вьюбкин тоже. Володя шумно помчался в бухгалтерию оформлять командировку, Вьюбкин тихо побрел в отдел. Володе было весело, Вьюбкину не было.

Обидно все-таки, граждане, носить фамилию «Вьюбкин».

НАБИТАЯ РУКА

[Случай — из ряда вон...]

Не скажу, отчего это все так складывается, потому что не только я этого не знаю, но не знают и отдельные опрошенные мною по этому поводу товарищи.

А происходят все эти необъяснимые явления всегда при участии Юрия Ненададовича Петина. Вернее, наоборот: без всякого его участия, без всякого вмешательства то есть в ход событий. Прямо человек-катализатор какой-то.

Доложу, однако, по порядку.

До того, как стать директором нашей птицефабрики «Яичко не простое», Юрий Ненарадович Петин был директором нашего ресторана «Пища богов».

До того же, как стать директором ресторана «Пища богов», Юрий Ненарадович Петин был начальником невоенизированной охраны нашей разнотарной фабрики «Картонажный труд».

А до того, как стать начальником невоенизированной охраны фабрики «Картонажный труд», Юрия Ненарадовича Петина не было. Не вовсе, конечно, не было, а в принципе. Он исполнял свои прямые обязанности не у нас, а где-то еще, вот почему мы и не в курсе дела.

Ну, а потом его к нам направили. И пошли у нас наблюдаться странные явления. Как будто над Юрием Ненарадовичем нарочно какой-то рок довлел. Злой.

Сами судите. Наша разнотарная фабрика «Картонажный труд» всемерно известна. Испокоя веку выпускает разную продукцию. И вот приходит на фабрику Юрий Ненарадович Петин и занимает пост начальника невоенизированной охраны.

И сразу — бац: гром с ясного неба. Почему-то вдруг повсюду сразу стала ощущаться острая непотребность в нашей таре, и фабрику «Картонажный труд» спустя некоторый период времени ликвидировали.

Ну, а потом и невооруженную охрану упразднили.

А Юрия Ненарадовича Петина, учтя его опыт на руководящей невоенизированной работе, назначили директором ресторана «Пища богов».

И тоже, пожалуйста, — нате. Юрий Ненарадович ни при чем, а к нам вдруг случайно завернула какая-то проезжая знаменитость. И такая это была действительно знаменитость, что у нее обыкновенно спрашивали мнение. Каково, дескать, ваше сложившееся впечатление?

Покушала знаменитость в ресторане «Пища богов», вытерла рот салфеткой, и ее, конечно, сразу:

— Ну, и как?

— Да так, — отвечает знаменитость. — Сдается мне, что бога все-таки нету.

Не поняли ее, а она взяла да и дальше себе укатила, за пределы нашей местности.

И у нас долгое время была неясность относительно бога: в чем, так сказать, суть высказывания?

Ну, посоветовались, конечно. Посоветовались. После чего ресторан переименовали так, чтобы он назывался отныне просто и ясно «Наша пища», а Юрию Ненарадовичу Петину решили предложить на всякий случай возглавить нашу научно-атеистическую пропаган-

ду. Но тут, подыскивая кандидатуру на должность директора птицефабрики, наше руководство куроводством учло опыт работы Юрия Ненарадовича на ответственных участках и остановилось на его кандидатуре. Тем более что на последней работе он как-никак и с курами сталкивался.

Так Юрий Ненарадович Петин сделался директором нашей птицефабрики «Яичко не простое».

То-то и оно — «не простое». Совсем мистика началась. Из яиц-то в инкубаторе ни с того ни с сего вдруг сплошные петушата принимались вылупливаться. Все-превсе — лица мужского пола. И это несмотря на то, что Юрий Ненарадович так горячо за дело взялся, что даже стенгазету один раз выпустил под названием «За кур!».

Вот тебе и «За кур!»... Даже машинистка наша, бабушка Виолетта, хоть и глупо, а правильно по этому поводу выразилась, сказав:

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Хорошо еще Юрий Ненарадович не обиделся. Он в это время к морю уехал. На Дальнем Востоке, объяснило ему наше руководство куроводством, в городе Находка, есть для кур питательный такой фарш в бочках. Так вот, может, если его раздобыть, то все как раз и наладится. Тем более что Юрий Ненарадович на прежней работе как раз еще и с разной тарой обхождение имел.

Уехал товарищ Петин к Охотскому морю — не достал там тары с фаршем. Тогда он на Карское море хлопотать о чем-то поехал.

А из яиц (даже в его отсутствие и даже из привозных яиц) все равно — ни одного куреночка.

Посоветчалось наше руководство куроводством и решило устроить расширенное совещание, посвященное этому курьезу. А куровод-генетик Илья Борисович Муромский даже из столицы специально прилетел и так возмущился, что гневно молчал на всем протяжении совещания.

До утра заседали, думали и курили. До самых, в общем, петухов просидели.

— Предлагаю, товарищи, сделать небольшой перерыв, — объявил с петухами председатель собрания.

— А как же все-таки с петухами?! — веско сказал тогда Илья Борисович Муромский и мягко стукнул по столу. — Кто будет нести ответственность за половую дисгармонию?

И так он это распетушился, что все тут же и отыгрались на Юрии Ненарадовиче Петине. Сняли его.

Теперь он директор нашего водно-морского исторического музея.

Морем мы, правда, никаким не располагаем, но музей решили создать. И вот почему. Потому что Юрия Ненарадовича Петина надо было куда-то определять, а у человека как-никак рука набита

на руководящей работе. А вдобавок — наполнен свежими морскими впечатлениями.

А главное, тайная мысль имеется. Вдруг опять от его присутствия слепые силы природы вмешаются. Проснешься этак утречком, протрешь глаза, глядь — а под окнами водно-морского исторического музея неожиданно море с теплоходами плещется и чайки по берегу ходят.

Вот история-то будет!

ЕЙ - БОГУ!

(На помощь лектору)

Все-таки случилось: атеизм на Земле начал приносить такие ощутимые плоды, что чертям тошно стало.

И преисподнюю пошла разведать вполне естественная коррупция: нечисть меж собою грызется, грешники прохлаждаются, котлонадзор на все сквозь пальцы смотрит... Сам вельзевул в сердцах черт те что наадминистрировал. Устал даже и задумался от этого. Уединился.

А уж когда никаких свежих пакостей из себя не вымучил, то пошел ко всем чертям. На семинар, на сборище этакое всеобщее, чтоб спокойно, по-человечески поговорить о чем попало: глядь — и польза какая-либо от собеседования стрясется.

Ну, оглядел своих поганцев, ткнул в одного пальцем, говорит ему в строго термодинамических выражениях.

— Такой,— говорит,— сякой, давай-ка я тебя для контролю по is-диаграммиче погоняю!

А тот:

— Пошел ты,— отвечает,— к богу в рай со своей диаграммой!

Да так просто он это брякнул, что вельзевул тут же прогнал всех к чертовой матери, но все-таки подумал при этом:

«А ведь как тут ни крути, а есть в словах паршивца искра божья. Не махнуть ли мне и впрямь к всевышнему, может, что и пронюхаю? От этого атеизма им тоже несладко, вот и проведем, будь оно неладно, беседу на высшем уровне».

И понесся в рай.

В раю тем временем подобнейшая-преподобнейшая картина: не-

доумение. Ангелы, потеряв свое ангельское терпение, копошатся, как курицы, в безделье и потихоньку ересь мелют. Ну, олухи царя небесного и ничего больше.

Сам же господь долго и задумавшись витал в облаках, но ничем интересным его там тоже не осенило, и объявил он тоже всерайский слет, чтобы тоже как-нибудь окрылить участников.

Кое-как слетелись.

Всевышний тоже начал с теории. С аэродинамики. Спрашивает наугад, по-божески. И вопросик-то легонький такой, легусенький!

— Изобразите,— молвит ангелочку,— например, ради бога, глассаду, по которой можно снизойти в душу грешника!

Хлопнул ангелочек ресничками, вздохнул — и нате:

— Эх!— говорит.— Катитесь-ка вы к дьяволу со своими, прости-господи, глассадами!

От непочитаемости такой неслыханной всевышний немедленно пал в обморок, а публика постепенно разбрелась, разлетелась, распустилась сама по себе.

Пришел господь в себя.

«Да-а,— думает.— Нет. Определенно устами юного агнца глаголела истина. Не явиться ли мне во стан вражий? Несколько скверно, конечно, для престижу, но зато помыслы их ведомы будут».

Как замыслил, так и сотворил. Начертал на райских вратах «Бога нет» — и кувырк в тартарары.

Пикирует он так себе, пикирует, и вдруг навстречу самый что ни на есть вельзевул мчит.

— Ба! — изумляется вельзевул, узревая господа.— Куда это тебя нелегкая несет?!

Притормозил всевышний, но для начала ни гугушеньки. А вельзевул с издевкой:

— Ну, как вы там? Все, небось, и знаете, что на мандолинах балабонить?

— На арфах,— сдержался всевышний.— А вот вы так уж совсем, кажется, ни на какие козны больше не в состоянии сподобиться.

— Ха! — сказал вельзевул.— Раз так, то я прямо тут, прямо тебе лично сейчас нос утру! Гляди сюда, старый босьяк, на мой новый фокус. Гляди, как я сам... Чуешь, сам... Себе... Чуешь, себе!.. Глаз могу укусить!

— Э! — отмахнулся всевышний.

Тогда вельзевул вынул искусственный глаз и укусил.

Господь хоть бы хны.

— А хочешь другой глаз укушу?! — разошелся вельзевул.

— Э! — опять сравнодошничал всевышний.

Тогда вельзевул вынул искусственные челюсти и доказал насчет другого глаза.

— Старый анекдот! — отозвался всевышний.

И тогда вельзевул неподобающе вышел из себя. И тогда вельзевул возвел на господа бога столько напраслины, что тот не выдержал хулы и вышел из себя еще неподобающе. Прямо взбесился. Сорвал с себя свой нимб и так хватил им вельзевула, что нимб разлетелся на жалкие кусочки.

А вельзевул отдал богу душу.

— Вот! — поконфузился господь, приходя в себя, и повернул во-свояси, остывая в пути.

— Куда? — останавливают его вдруг перед райскими воротами.

— Да ведь это я пред вами, — устало поясняет господь, — господь.

— А пропуск? — вопрошает стража. — Где же ваш нимб?

— Нету, — печально признается всевышний.

— Ну вот, — удовлетворяется стража. — Как же мы вас впустим, когда вы бог знает кто такие будете! Улетучивайтесь отсюда и не мешайте работать!

И господь отступился. И господь подчинился раз и навсегда заведенному обыкновению и сгинул. Куда — неведомо. Только и осталось от него, что начертанная его рукой последняя заповедь: «Бога нет».

А божьим словам подобает верить.

ЗАШЕЛ ПОЗНАКОМИТЬСЯ

— Зашел познакомиться, — нехорошо сказал он. — Я ведь теперь у вас инженером числюсь.

И сел. Сам. Этаким красавец, и лучезарно на меня смотрит.

— Во-первых, — нахмурился я, — советую вам отпустить бороду.

— Когда? — спрашивает.

— Чем раньше, тем лучше.

И тут он меня хватя за мою бороду! И дернул, понимаете ли! Да еще спросил:

— Так?

— Как фамилия?! — взорвался я.

— Деверев.

— Как понимать?! Как это прикажете понимать?

— Чего это «прикажете понимать»? — не понял он.

— Ваш поступок! — пылал я возмущением. — Мне ведь решительно наплевать на то, что вы родственник академику Девереву!..

— А я не родственник академику Девереву, — гсворит он вдруг.

— Да! — поразился я. — А почему же вы меня так вот запросто... за бороду?..

— Да вы же сами просили отпустить ее. Ну, я взял и отпустил. А что?..

«Ничего, — подумал я. — Ничего себе инженерчик! Всыпал бы я тебе за такие шуточки так, что всю жизнь расклебывал бы со своим академиком!.. Да не родственник ты, оказывается, шельма этакая!»

А я почему ему относительно бороды совет дал? Ну, во-первых, потому, что это модно и красиво. А во-вторых, к нам нередко иностранцы наведываются, и бородатость моих сотрудников их приятно удивляет.

«Странный тип, однако...»

— Курите? — спрашиваю.

— Нет, — отвечает.

Закурил я и подумал: а не розыгрыш ли это? Не первое ли апреля сегодня?

Да нет. А дата иная, и шутить со мной никто еще не смел...

И тут смотрю: он тоже достает сигареты и преспокойно так закуривает.

— Вы же две минуты назад сказали, что не курите! — проворчал я.

— А разве я тогда курил? — спрашивает. — Это я сейчас курю, а две минуты назад я очень даже не курил.

«Н-да, — расколебался я. — А может, у него такая манера мыслить. Этакая, знаете, свежесть восприятия... Оригинален, непосредствен, никаких шаблонов... Может, это какой-нибудь юный Резерфорд передо мной. Он и дважды два-то, наверное, не принимает на веру. И для него это, может быть, даже и не «пять» в результате, а какие-нибудь совершенно отвлеченные параметры... А то и вовсе какие-нибудь энтропийные тугорки-матугорки... На таких умах вся наука держится...»

— А ну-ка, сколько будет дважды два? — усмехнулся я.

— Когда будет, тогда и скажу, — усмехнулся и он.

Определенно он мне начал нравиться.

— Так вы действительно не родственник академику Девереву? — спрашиваю. — Нет? А полузащитнику Девереву? Тоже нет?

«А что! Самостоятельный парень. Попробую-ка я его сразу назначить руководителем группы, пожалуй, из этого выйдет толк...»

— Я никому не родственник, — говорит он, гася сигарету. — Я сам по себе полузащитник Деверев.

Я так и подпрыгнул.

— Ах ты, едренный корень! Что ж ты сразу-то не сказал? Ах ты, голубчик, скромняга этакий! А я-то подумал бог знает что! Да ты у нас не инженером, ты у нас начальником лаборатории числиться будешь! И прямо завтра же — на игру! Ну как? Не подкачаешь?

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТО БЫЛО

Время дорого	2
Надвое	5
Хорошая баня	9
Не тою дорогою	11
А корову съели	14
Будем знакомы!	17
...и словами	19
Помидорный рейс	25

А ЭТО МОГЛО БЫ И БЫТЬ

Загвоздка	32
Сплеча	34
После дождина. В четверг	37
Набитая рука	41
Ей-богу!	44
Зашел познакомиться	46

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ МАТВЕЕВ

НАБИТАЯ РУКА

Редактор А. А. Суконцев

Техн. редактор Г. И. Огородников.

Сдано в набор 15/XI 1973 г. А 00752. Подписано к печати 13/III 1974 г. Формат бумаги 70 × 108^{1/32}. Объем 2.10 усл. печ. л. 2.94 учетно-изд. л. Тираж 75 000. Цена 9 коп. Изд. № 742. Заказ № 1419.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Цена 9 коп.

